

Educational correctional institutions for minors in provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XXth centuries: plan and result

Tatiana A. Kattsina^a, Natalya V. Vysotskaya^b, Elena Y. Cherkashina^c, Ekaterina V. Potapova^d

^{a,b,c,d} Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Article is devoted to a problem of social control of correction of the identity of the minor who entered the conflict with the law. Contains the generalized material about conditions of keeping and education of the minors placed in the Krasnoyarsk educational corrective labor colony and the Irkutsk corrective and educational shelter for minors of P. P. Sukachyov. At the end of XIX – the beginning of the XXth centuries in the extensive territory of Eastern Siberia it were the only institutions where the prison mode was replaced with educational and labor influence, spiritual and moral education and training of the minor. Article is based on set of the published and unpublished (archival) sources, research literature which is thematically connected with the taken-up question. Preliminary conclusions are reduced to the fact that the result of work of a corrective and educational institution depended on personal and professional abilities, skills of personnel, understanding to them problems of corrective education, the correct organization of pedagogical process to a large extent. The obtained data promote creation of complete idea of the level of development of correctional facilities of the Russian society and the Siberian society in particular, liquidate territorial disproportions in the studied subject, expand opportunities for comparative researches.

* Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), vysotskaya25@yandex.ru (N.V. Vysotskaya), chhelene@yandex.ru (E.Y. Cherkashina), potapowa.catia2011@yandex.ru (E.V. Potapova)

Keywords: Eastern Siberia, minor offenders, corrective education, agricultural colonies, craft shelters.

1. Введение

Среди разнообразных сторон так называемого детского вопроса особого внимания заслуживает проблема социального контроля над исправлением личности несовершеннолетних, совершивших правонарушения, где вступают между собой в коллизию, с одной стороны, интересы общества, нуждающегося в защите, а с другой – интересы охраны молодого поколения. Несмотря на значительные усилия международного сообщества в области защиты прав ребенка по выработке тщательно продуманных стандартов, регулирующих различные аспекты ювенальной системы, сегодня «мало где в мире следуют букве или духу этих стандартов» ([Потерянные для правосудия 2008: 6](#)); помещение несовершеннолетних в воспитательные и реабилитационные учреждения рассматривается как крайняя мера ([Баранов, 2009](#)). Высказывается мнение о преобразовании воспитательных колоний в воспитательные центры ([Давыдова, Данилин, 2013: 3](#)), где предполагается «формирование новых для осужденных ценностей, приобщение к системе социальных отношений» ([Курас, 2015: 185](#)). Некоторые направления такого подхода были апробированы еще в имперской России. Прежде всего, речь идет о земледельческих колониях и ремесленных приютах, где тюремный режим заменялся воспитательно-трудовым воздействием, духовно-нравственным воспитанием и обучением несовершеннолетнего. Создание таких заведений в разных местностях России началось в 1870 г. по инициативе обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов (первое открылось в Санкт-Петербурге, в 1869 г.), а до этого несколько десятков лет с «замечательным успехом» применялось для исправления малолетних преступников в земледельческих колониях стран Швейцарии, Голландии, Бельгии, Англии, Италии, Франции ([Земледельческие колонии, 1870: 5–6; 24](#)).

В статье ставится задача: на примере такой крупной региональной единицы России как Восточная Сибирь, охарактеризовать условия содержания и воспитания несовершеннолетних, помещенных в воспитательно-исправительные заведения. Объектом исследования являются Иркутский исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних имени П. П. Сукачева (далее по тексту – Иркутский приют) и Красноярская воспитательно-исправительная колония для несовершеннолетних (далее по тексту – Красноярская колония), как единственные учреждения такого типа в восточносибирском крае XIX – начала XX вв., контрастирующие между собой как по способу функционирования, так и по характеру достигнутых результатов.

2. Материалы и методы

2.1. Статья основана на совокупности опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, исследовательской литературы, тематически связанных с освещаемым вопросом. Необходимая информация извлечена из делопроизводственных документов, депонированных в фондах иркутской областной государственной универсальной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского, иркутской научной библиотеки имени В. Г. Распутина, государственного архива Красноярского края (ф. 216 «Губернский комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии», ф. 595 «Енисейское губернское управление»).

2.2. Прежде всего, мы стремились придерживаться принципа объективности (рассматривать деятельность воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в ее разнообразии и противоречивости, в совокупности положительных и негативных проявлений) и принципа историзма (изучать факты в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, в их взаимосвязи и взаимообусловленности), при анализе материалов сочетать проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. Проблемно-хронологический метод

позволил выявить исторические факты о деятельности исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних, рассмотреть их в контексте с другими явлениями общественной жизни. Посредством сравнительно-исторического метода проанализированы различия в условиях содержания контингента и организации учебно-воспитательного процесса в Иркутском приюте и Красноярской колонии.

3. Обсуждение

Начало современного этапа в изучении исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних совпало с публикациями работ Л. И. Беляевой ([Беляева, 1995; 1998](#)), которая остается ведущим исследователем правовых, организационных и педагогических основ деятельности этих заведений в России середины XIX – начала XX вв. Некоторые из этих аспектов получили дальнейшую разработку ([Тебиев, Коркищенко, 2005](#) и др.). В контексте изучения основных тенденций норм и отклонений социализации ребенка во второй половине XIX – начале XX вв. И. В. Синова, показала, что российское законодательство не соответствовало быстро меняющимся условиям жизни общества, не способствовало эффективной профилактике правонарушений, не успевало за ростом подростковых девиаций и виктимизации ([Синова, 2014](#)). Согласно исследованию Л. И. Беляевой, «было бы неверным идеализировать» деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в Российской империи, прежде всего потому, что отсутствовал единый подход к организации работы, ощущался недостаток материальных средств и числа исправительно-воспитательных заведений ([Беляева, 2015: 173](#)). Немецкий историк права Т. Мил также отмечает, что нехватка ресурсов и очень ограниченные возможности были результатом того, что 3 000 мест в воспитательно-исправительных заведениях, открытых накануне Октябрьской революции покрывали спрос лишь на 10 % ([Mill, 2010: 214](#)), по данным других авторов – на 6 % ([Люблинский, 1923: 47](#)). Поскольку функционирование исправительно-воспитательных заведений для

несовершеннолетних было сопряжено с большим разнообразием в пространственном отношении, локализация проблемы позволила ([Фролова 2015](#); [Лаврентьев 2010](#); [Васильева 2015](#), [Хареева, 2016](#) и др.) конкретизировать и уточнить ряд аспектов их деятельности. В то же время не получила должного освещения практика земледельческих колоний и ремесленных приютов в восточносибирском крае, который долгое время служил местом уголовной или политической ссылки, являлся ключевым звеном пенитенциарной системы Российской империи.

4. Результаты

Становление учреждений для воспитания «нравственно-испорченных детей» началось в России в первой половине XIX в. ([Дриль, 1905: 352](#)), а в качестве самостоятельного института заменяющих наказаний, – в эпоху Великих реформ (1864–1870 гг.). В Сибири начало этого процесса обозначилось лишь в конце XIX в., когда на ее территории стала распространяться судебная реформа. «Сценарий» открытия заведений был практически одинаков: сначала в губернском центре (Иркутске, Красноярске) создавалось общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (далее по тексту – общество), затем из его состава формировалась временная комиссия (или комитет) для привлечения внешних ресурсов. Кроме обеспечения материальных и финансовых потребностей, комиссия подбирала административный, воспитательный и вспомогательный персонал в открываемое заведение, определяла его тип (ремесленный или земледельческий) и возможную систему воспитания (семейную, казарменную, смешанную) ([Катцина, 2017: 535](#)).

Целью Иркутского приюта, как и Красноярской колонии, провозглашалось общее начальное, ремесленное и сельскохозяйственное образование, сочетаемое с религиозно-нравственным воспитанием, которое должно было развить у несовершеннолетнего навык и любовь к порядку и труду, подготовить его к дальнейшей честной и трудовой жизни. Контингент

заведений составляли несовершеннолетние мужского пола в возрасте от 10 до 17 лет, помещаемые в основном по определениям и приговорам суда, а также подследственные. По постановлению комитета общества в заведение зачислялись несовершеннолетние «нищенствующие, бродяжествующие и вообще бесприютные и беспризорные», «отдаваемые для исправления родителями» или попечительными советами благотворительных заведений (ГАКК.Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 1; Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 113). Согласно радиусу действия обществ, в Красноярскую колонию принимали несовершеннолетних из Енисейской губернии, в Иркутский приют, – из одноименной губернии, Забайкальской и Якутской областей.

Среди архивных документов сохранилось ходатайство совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев и павших воинов от 8 марта 1916 г. в комитет общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии о приеме в красноярскую колонию Изотченко Михаила 12 лет. В нем сообщалось, что мальчик поступил в приют в 1910 г., но «в конце 1914 г. в силу его крайней распущенности был передан матери, проживающей в гор. Красноярске и содержался у нее на ежемесячное пособие приюта». Руководство приюта полагало, что режим колонии может исправить Михаила (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Однако этим надеждам вряд ли суждено было оправдаться. Колония, процесс организации которой растянулся более чем на 10 лет, была слабо укомплектована штатом сотрудников, за два года трижды пережила смену руководителя, а по условиям содержания и организации воспитательно-образовательного процесса, не выдерживала никакой критики. Так, в докладной записке от 19 сентября 1916 г. исполняющий обязанности директора колонии Л. П. Мельников сообщал комитету общества земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии: «Мне неоднократно, с душевным огорчением приходилось иметь наблюдение в первые месяцы моей службы, находясь без надзирателя, что питомцы весьма охотно посещали солдат в их помещениях, каковых в колонии ныне летом находилось до 100 человек, где слушали всевозможные пикантные анекдоты и

всякую нецензурную брань, хотя такие посещения... мною строго воспрещались и наказывались, но, тем не менее, питомцев как-то магически постоянно тянуло в эту среду, в которой они ранее находились и приобретали дурные наклонности» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 66 об.). Еще раньше, 13 января 1915 г., епископ Енисейский и Красноярский Никон (Н. Н. Бессонов), председательствующий в комитете общества, поставил резолюцию «Оч[ень] грустно» на докладной записке членов специальной комиссии, посетившей колонию. Инспекция выявила многочисленные факты нарушения внутреннего режима заведения со стороны персонала: частые неоправданные отлучки, ежедневные ссоры, «сопровождаемые руганью» в присутствии воспитанников, случаи долговременного пребывания гостей (до 4–5 часов утра), поведение которых носило «шумный характер, не соответствующий месту». Из-за неумелого и халатного ведения дел, директор колонии П. А. Гобов допустил порчу урожая картофеля, собранного воспитанниками; работа по ремонту помещений, «дорого стоившая, прошла совершенно даром», так как штукатурка сразу осыпалась. Баня, прачечная и школа не функционировали, поскольку были разморожены. Месяц при трех питомцах обходился, в общем, в 400 руб., а полное обслуживание каждого воспитанника – свыше 133 руб. (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 46–47 об.). Для сравнения: в Иркутском приюте на те же цели ежемесячно расходовалось около 650 руб., а полное обслуживание одного воспитанника при более комфортных условиях содержания не превышало 21 руб. (Иркутское общество, 1914: 14–15). Члены комиссии, инспектировавшие Красноярскую колонию, писали в своем отчете, что ее состояние «производит настолько безотрадное впечатление, что прямо становится больно и обидно, что на это дело произведено столько затрат» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 47). Приведем еще один примечательный факт из жизни Красноярской колонии, который вряд ли нуждается в комментариях. В 1915 г. она заключила договор с правлением Восточносибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли на поставку молока. По условиям соглашения, цена на молоко была установлена в 2 раза ниже

существующей в городе, а расчет следовал не сразу, а в недельный срок по истечении каждого месяца. В итоге, Восточносибирское общество вообще отказалось оплатить годовую поставку молока (73,19 руб.), сославшись на невыполнение колонией отдельных пунктов договора, в частности, что она «доставляла мало молока» (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 2. Л. 176). При правильной организации сбыта и хранения продукции фермерского хозяйства, колония могла бы получить существенный доход и направить его на улучшение быта и пищевого довольствия воспитанников, как это делало руководство Иркутского приюта. Ряд современных исследователей, основываясь на общероссийской статистике, отмечает, что с годами происходило увеличение доходов от хозяйственной деятельности самих исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних (Иваняков, 2010; 159–160; Никифорова, 2012: 152).

Очевидно, что система воспитания и обучения, сложившаяся в Иркутском приюте, более соответствовала своему предназначению. Школьное обучение здесь стремились согласовать с программами начальных народных училищ, дифференцировать для групп воспитанников: неграмотных, малограмотных и окончивших курс в начальных училищах. Учебный процесс проходил в два семестра: 1) с 1 сентября по 23 декабря и 2) с 01 января по 15 мая. Занятия начинались с 8³⁰ час. утра и продолжались до 12 час. дня, а для приготовления уроков давалось 1,5 часа вечером. Предметы занятий распределялись в течение недели так: закон Божий (3 урока), русское чтение (3), церковно-славянское чтение (2), арифметика (3), орфография (4), каллиграфия (1), пение (2). Из лучших воспитанников был составлен небольшой хор, который безвозмездно пел в церкви, которую они посещали на богослужение. Пению обучал директор приюта, а один из надзирателей по вечерам преподавал воспитанникам военную гимнастику и строевой марш. Распределение ежедневных занятий воспитанников приюта устанавливал педагогический совет и комитет общества с таким расчетом, чтобы у воспитанников «свободного времени оставалось лишь столько, сколько необходимо нужно было для принятия пищи и отдыха», чтобы они могли приучаться к труду и «невозможности отдаваться своим

дурным привычкам». В выходные и праздничные дни, а также по вечерам велись с воспитанниками духовно-нравственные беседы, во время которых им разъяснялись «преступность воровства, неприличие употребления бранных слов, позор лжи и обмана»; сообщались сведения по русской истории, географии, и естествознанию, преимущественно по огородничеству и пчеловодству; читались отрывки из сочинений русских писателей, доступных пониманию подростков. При школе приюта имелаась библиотека, укомплектованная 142 книгами, пожертвованными членом комитета общества В. Ф. Колыгиным и его супругой (Отчет, 1900: 13–15; Иркутское общество, 1914: 8).

Кроме классных занятий, на обязанностях воспитанников лежали: дежурства по кухне, уборка двора, пила и колка дров, топка печей, уход за домашними животными и другие виды работ, связанные с самообслуживанием, хозяйственными работами, улучшающими уклад повседневной жизни в заведении. Большинство воспитанников, под руководством мастера занимались столярным ремеслом, выполняя работы на заказ или для нужд приюта; ассортимент изделий включал различную мебель, тележки, оконные рамы, классные доски с подставкой, лесенки для цветов и т. п. С апреля по октябрь предпочтение отдавалось сельскохозяйственным работам. В обоих случаях деятельность была доходной, в сумме чистая прибыль составляла более 780 руб. в среднем в год (Отчет, 1900: 16–18; Иркутское общество, 1914: 9, 13). Часть результата работ огородничества (выращивались картофель, огурцы, морковь, свекла, редька, капуста белокочанная) оставлялась для нужд приюта, что позволяло улучшить питание воспитанника, на содержание которого средства начислялись в двойном размере вещевого и продовольственного довольствия, установленного на взрослого арестанта в местных тюрьмах. Продовольствие выдавалось по табели, выработанной членом комитета общества доктором Г. И. Губкиным. Суточный рацион, в расчете 20 коп. на человека, включал: говядину средней жирности 204,75 гр. (здесь и далее пересчитано в граммы с фунта), ржаной хлеб 1023,75 гр., картофель 409,50 гр.,

крупы 204,75 гр. масло и сало по 25,59 гр., а также картофельную муку, овощи и зелень. В праздничные дни часть ржаного хлеба заменяли булкой, добавляли молоко и кусок сахара; дополнительно к обеду и ужину – чай с молоком и черным хлебом; в пост вместо мяса выдавали горох и рыбу. Также определялся табель одежды, белья, обуви, утвари и др. необходимых для воспитанников приюта вещей. Например, учитывая продолжительный срок службы некоторых вещей (шубы, тюфяка и др.), годовая смета составлялась с учетом экономии: вместо 50 руб. – 35 руб. ([Иркутское общество, 1914: 19](#)).

«В виду испорченности "материала", над которым приходится работать воспитателям в колониях малолетних преступников – здесь более чем в каких бы то ни было учебно-воспитательных заведениях необходима индивидуализация воспитания» – писал в начале XX в. правовед, политический деятель и публицист В. Ф. Залесский ([Залесский, 1916: 562](#)). Прежде всего, воспитательный персонал заведения должен был создать атмосферу доверительности отношений с воспитанниками, обладать достаточной психолого-педагогической грамотностью, чтобы иметь сведения о прежней жизни воспитанника и его семейной обстановке, знать его характер, наклонности, степень умственного развития, особенности нравственных качеств и состояние здоровья. Для удовлетворения практической потребности в более систематическом изучении личности воспитанника, врачи заведений ежеквартально вносили в санитарный лист данные антропологического (рост, вес, объем грудной клетки) исследования, физического и психического здоровья. Съезды представителей воспитательно-исправительных заведений, которые начали свою деятельность в России в 1881 г., предлагали заведениям специальные листы для фиксации результатов исследования воспитанников по следующим разделам: данные антропологического исследования, данные физического здоровья, данные психического здоровья, характеристика личности. Характеристику личности рекомендовалось составлять воспитательному персоналу, основываясь на анализе и формах проявления религиозных, нравственных, эстетических и низших (прожорливость, любовь к

лакомству и др.) чувств воспитанника, оценке его отношения к товарищам, приюту, к людям вообще, к общественным требованиям и обязанностям. Достаточно подробно изучалось проявление волевых качеств личности (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л.1 об.–4 об.).

О поведении каждого воспитанника и его прилежании в школе и на практических занятиях воспитатели вносили записи в особые «кондуитные» тетради. Из отчетных материалов о деятельности Иркутского приюта следует, что поведение воспитанников было удовлетворительным; их проступки «носили характер заурядного свойства шалостей детей улицы, выросших без надзора и чьего либо нравственного воздействия». Дисциплинарные взыскания, налагавшиеся на воспитанников, были: «выговор наедине, выговор публичный, лишение места за столом, лишение одного блюда или порции говядины, оставление на хлебе и воде, лишение вечернего чая, лишение игры на свободе в часы отдыха, назначение на домашнюю работу не в очередь, лишение права пользоваться отпуском к родным и заключение в карцер на срок не свыше 3 дней» (Отчет, 1900: 13). Поэтому нельзя согласиться с утверждением одного из авторов, что «к несовершеннолетним осужденным не применялись такие меры дисциплинарного воздействия, как помещение в карцер, лишение права на свидание с родственниками и близкими» (Детков, 2000: 17).

К числу поощрения воспитанников относились: оказание различных видов доверия; назначение пособий деньгами или вещами; предоставление трехдневного отпуска для посещения родителей и родственников, «известных управлению приюта своею благонадежностью в нравственном отношении» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 9об., 10). Воспитанники, не имеющие состоятельных родителей или родственников, при выпуске из приюта получали неформенную одежду, необходимые орудия по избранному им ремеслу и денежное пособие на проезд. С этой целью приют располагал специальным фондом «на выдачу пособий выпущенным из Иркутского исправительного приюта воспитанникам», основанном на целевом пожертвовании почетного

члена общества А. В. Витте ([Отчет, 1900: 4](#)). На наш взгляд, эти меры имели важное значение для дальнейшей ресоциализации несовершеннолетнего.

4. Заключение

Материалы проведенного исследования показали, что результат работы того или иного исправительно-воспитательного заведения зависел в большей мере не от финансовой составляющей (хотя это тоже важный фактор), а от личностных и профессиональных способностей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. С точки зрения исправления несовершеннолетних требовалось создать благоприятные условия содержания (питание, лечение и проч.), на основе которых могла происходить подготовка их к жизни вне заведения – это обучение ремеслу, получение образования.

Литература

[Баранов 2009](#) – *Баранов Ю.В.* Проблемы ресоциализации и механизма ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания // Уголовное право. 2009. № 5. С. 11-13.

[Беляева, 1995](#) – *Беляева Л.И.* Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.) М., 1995. 100 с.

[Беляева, 1998](#) – *Беляева Л.И.* Учреждения для несовершеннолетних в России (история вопроса). Белгород, 1998. 93 с.

[Беляева, 2015](#) – *Беляева Л.И.* Отечественный опыт предупреждения правонарушений несовершеннолетних (середина XIX – начало XX вв.) // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правопримирения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола. Вып.6. / ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск, 2015. С. 173-177.

[Васильева, 2015](#) – *Васильева С.А.* Первый исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних в Рязанской губернии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 11 (162). С. 2-6.

[ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.

[Давыдова, Данилин, 2013](#) – *Давыдова Н.В., Данилин Е.М.* Особенности состояния здоровья несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 3. С. 1-4.

[Детков, 2000](#) – *Детков М.Г.* Исторические аспекты исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 6-19.

[Дриль 1905](#) – *Дриль А.Д.* Постановка исправительного воспитания в России // Тюремный вестник. 1905. № 5. С. 350-358.

[Залесский, 1916](#) – *Залесский В.Ф.* Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. 714 с.

[Земледельческие колонии, 1870](#) – Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. СПб., 1870. 38 с.

[Иваняков, 2010](#) – *Иваняков Р.И.* Финансовое обеспечение воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в дореволюционной России // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 158-161.

[Иркутское общество, 1914](#) – Иркутское Общество воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Иркутск, 1914. 32 с.

[Курас, 2015](#) – *Курас С.Л.* Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. С. 185-188.

[Лаврентьев, 2010](#) – *Лаврентьев М.В.* Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) // История государства и права. 2010. № 12. С. 35-38.

[Люблинский, 1923](#) – *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. 300 с.

[Михиенков, 2012](#) – *Михиенков Е.Г.* Помощь общественных объединений Томской губернии осужденным, освобожденным из мест лишения свободы в период с 1905 по 1917 гг. // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах. Рязань, 2012. Вып. 6. С. 59-65.

[Никифорова, 2012](#) – *Никифорова И.А.* Финансово-хозяйственное обеспечение деятельности исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 150-154.

[Отчет, 1900](#) – Отчет о деятельности Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1899 г. Иркутск, 1900. 22 с.

[Потерянные для правосудия, 2008](#) – Потерянные для правосудия: Восточная Европа и Центральная Азия: дети в конфликте с законом. Geneva, 2008. 64 с.

[Синова, 2014](#) – *Синова И.В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. 287 с.

[Тебиев, Коркищенко, 2005](#) – *Тебиев Б.К., Коркищенко О.А.* Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века; изд. 2-е, исправ. М., 2005. 139 с.

[Фролова, 2015](#) – *Фролова И.В.* Исправительные учреждения и воспитательные приюты для детей во второй половине XIX – начала XX вв. (на материалах Новгородской и Псковской губерний) // Universum: Общественные

науки: электронный научный журнал. 2015. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271>

[Хареева, 2016](#) – *Хареева О.В.* История создания и деятельности курской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних преступников мужского пола (вторая половина XIX – начало XX века) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета 2016. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf>

[Kattsina, 2017](#) – *Kattsina, T.A.* Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations *Bylye Gody* 2017. Vol. 44., Is. 2. pp. 533-541.

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, 2010. XI, 395 s.

References

[Baranov, 2009](#) – *Baranov Yu.V.* Problemy resotsializatsii i mekhanizma resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody i osvobozhdenykh ot etogo nakazaniya [Problems of resocialization and the mechanism of resocialization of convicted persons to deprivation of liberty and released from this punishment]. *Criminal law*. 2009. № 5. pp. 11-13. [In Russian]

[Belyaeva, 2015](#) – *Belyaeva L.I.* Otechestvennyy opyt preduprezhdeniya pravonarusheniy nesovershennoletnikh (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Domestic experience of the prevention of offenses of minors (the middle of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimireniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy vserossiyskogo kruglogo stola*. Vyp.6. Irkutsk, 2015. pp. 173-177. [In Russian]

[Belyaeva, 1995](#) – *Belyaeva L.I.* Stanovlenie i razvitie ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX – nachalo XX

vv.) [The formation and development of correctional institutions for minor offenders in Russia (the middle of XIX – early XX centuries)] M., 1995. 100 p. [In Russian]

[Belyaeva, 1998](#) – *Belyaeva L.I.* Uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh v Rossii (istoriya voprosa) [Facilities for juveniles in Russia (the background of the question)] Belgorod, 1998. 93 p. [In Russian]

[Davydova, Danilin, 2013](#) – Davydova N.V., Danilin E.M. Osobennosti sostoyaniya zdorov'ya nesovershennoletnikh osuzhdennykh, sodержashchikhsya v VK ugovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii [The health characteristics of juvenile offenders contained in the EC of the criminal-executive system of Russia]. *Penal system: law, economics, management*. 2013. № 3. pp. 1-4. [In Russian]

[Detkov, 2000](#) – Detkov M.G. Istoricheskie aspekty ispolneniya ugovnykh nakazanii v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh prestupnikov [Historical aspects of the execution of criminal punishments of deprivation of liberty of juvenile offenders]. *Topical problems of execution of punishment regarding the juvenile*. M., 2000. 6-19 pp. [In Russian]

[Dril', 1905](#) – Dril' A.D. Postanovka ispravitel'nogo vospitaniya v Rossii [Statement of correctional education in Russia]. *Prison vestnik*. 1905. № 5. pp. 350-358. [In Russian]

[Frolova, 2015](#) – *Frolova I.V.* Ispravitel'nye uchrezhdeniya i vospitatel'nye priyuty dlya detey vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv. (na materialakh Novgorodskoy i Pskovskoy guberniy) [Reformatories and orphanages in the second half of XIX – beginning of XX centuries (a case study of Novgorod and Pskov)]. *Universum: Social Science*. 2015. № 6 (16). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2271> [In Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk Krai]

[Irkutskoe obshchestvo, 1914](#) – Irkutskoe Obshchestvo vospitatel'no-ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh [Irkutsk Society of the educational-correctional institutions for minors]. Irkutsk, 1914. 32 p. [In Russian]

Ivanyakov, 2010 – Ivanyakov R.I. Finansovoe obespechenie vospitatel'no-ispravitel'nykh uchrezhdenii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i pravonarushitelei v dorevolyutsionnoi Rossii [Financial provision of the educational-correctional institution for juvenile offenders and offenders in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik of Vladimir law institute*. 2010. № 2. pp. 158-161. [In Russian]

Kattsina, 2017 – Kattsina, T.A. Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations Bylye Gody 2017. Vol. 44., Is. 2. pp. 533-541.

Khareeva, 2016 – Khareeva O.V. Istoriya sozdaniya i deyatelnosti kurskoy ispravitel'noy zemledel'chesko-remeslennoy kolonii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov muzhskogo pola (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [History of creation and activity of the Kursk corrective labor agricultural and craft colony for male juvenile offenders (the second half of XIX – the beginning of the XX century)]. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. 2016. № 2 (38). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf> [In Russian]

Kuras, 2015 – Kuras S.L. Sistema organizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v dorevolyutsionnoy Rossii [System of the organization of correctional facilities for minors in pre-revolutionary Russia]. *Vlast*. 2015. № 1. pp. 185-188. [In Russian]

Lavrent'ev, 2010 – Lavrent'ev M.V. Saratovskiy ispravitel'nyy priyut imeni M.N. Galkina-Vraskogo (1873–1917 gg.) [The Saratov corrective shelter of M. N. Galkin-Vrasky (1873–1917)]. *History of State and Law*. 2010. № 12. pp. 35-38. [In Russian]

Lyublinskiy, 1923 – Lyublinskiy P.I. Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste (sotsial'no-pravovye ocherki) [Crime control at children's and youthful age (social and legal sketches)]. M., 1923. 300 p. [In Russian]

Mikhienkov, 2012 – Mikhienkov E.G. Pomoshch' obshchestvennykh ob"edinenii Tomskoi gubernii osuzhdennym, osvobozhdenym iz mest lisheniya svobody v period s 1905 po 1917 gg. [Assistance of public associations in the province of Tomsk convicted persons, released from places of deprivation of liberty]

in the period from 1905 to 1917]. *Humanities-penitentiary vestnik: scientific and journalistic almanac. Ryazan'*, 2012. Vyp. 6. pp. 59-65. [In Russian]

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am Main, 2010. XI, 395 p.

[Nikiforova, 2012](#) – *Nikiforova I.A.* Finansovo-khozyaystvennoe obespechenie deyatel'nosti ispravitel'no-vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh v rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX– nachala XX vekov [The financial and economic security of the correctional and educational institutions for juveniles in the Russian Empire in the second half of XIXth – early XXth century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2012. № 4. pp. 150-154. [In Russian]

[Otchet, 1900](#) – *Otchet o deyatel'nosti Irkutskogo Obshchestva zemledel'cheskikh koloniy i remeslennykh priyutov za 1899 g.* [The report on activity of the Irkutsk Society of agricultural colonies and craft shelters for 1899]. Irkutsk, 1900. 22 p. [In Russian]

[Poteryannye dlya pravosudiya, 2008](#) – *Poteryannye dlya pravosudiya: Vostochnaya Evropa i Tsentral'naya Aziya: deti v konflikte s zakonom.* [Lost to justice: Eastern Europe and Central Asia: children in conflict with the law]. Geneva, 2008. 64 p. [In Russian]

[Sinova, 2014](#) – *Sinova I.V.* Deti v gorodskom rossiiskom sotsiume vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh vv.: problema sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya [Children in urban russian socium in the second half of XIX – early XX centuries: the problem of socialization, deviance and abuse]. SPb? 2014. 287 p. [In Russian]

[Tebiev, Korkishchenko, 2005](#) – *Tebiev B.K., Korkishchenko O.A.* Gosudarstvo, obshchestvo i «trudnye deti» v dosovetskoy Rossii: gosudarstvenno-pravovaya mysl', sotsial'naya politika i obshchestvenno-blagotvoritel'naya deyatel'nost' po preduprezhdeniyu prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v Rossii XVIII – nachala XX veka [The state, society and "difficult children" in pre-Soviet Russia: a state and legal thought, social policy and public charity on crime prevention and

neglect of minors in Russia XVIII – the beginnings of the XX century]; izd. 2-e, isprav. M., 2005. 139 p. [In Russian]

[Vasil'eva S.A., 2015](#) – Vasil'eva S.A. Pervyi ispravitel'no-vospitatel'nyi priyut dlya nesovershennoletnikh v Ryazanskoi gubernii [The first corrective and educational shelter for minors in Ryazan province]. *Statement of the penal system*. 2015. № 11 (162). 2-6 pp. [In Russian]

[Zalesskii, 1916](#) – Zalesskii V.F. Popechenie o besprizornykh i pokinutykh detyakh [The care of homeless and abandoned children]. Kazan', 1916. 714 pp. [In Russian]

[Zemledel'cheskie kolonii, 1870](#) – Zemledel'cheskie kolonii i remeslennye priyuty kak vospitatel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i bednykh detei [Agricultural colonies and craft shelters as an educational institution for juvenile offenders and poor children]. SPb., 1870. 38 p. [In Russian]

UDC 94:364-78(571.1/5) «18/19»

**Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних
в губерниях Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв.:
замысел и результат**

Татьяна Анатольевна Катцина^a, Наталья Витальевна Высоцкая^b, Елена Юрьевна Черкашина^c, Екатерина Вадимовна Потапова^d

^{a,b,c,d} Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального контроля за исправлением личности несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с

* Corresponding author.

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), vysotskaya25@yandex.ru (Н.В. Высотская), chhelene@yandex.ru (Е.Ю. Черкашина), potapowa.catia2011@yandex.ru (Е.В. Потапова)

законом. Содержит обобщенный материал об условиях содержания и воспитания несовершеннолетних, помещенных в Красноярскую воспитательно-исправительную колонию и Иркутский исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних имени П. П. Сукачева. В конце XIX – начале XX вв. на обширной территории Восточной Сибири это были единственные заведения, где тюремный режим заменялся воспитательно-трудовым воздействием, духовно-нравственным воспитанием и обучением несовершеннолетнего. Между тем, и по способу функционирования, и по характеру достигнутых результатов, они резко контрастировали между собой. Статья основана на совокупности опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, исследовательской литературы, тематически связанных с освещаемым вопросом. Материалы о работе Красноярской воспитательно-исправительной колонии, извлеченные из фондов государственного архива Красноярского края, впервые введены в научный оборот. Они не позволяют в целом положительно оценить деятельность заведения по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Предварительные выводы сведены к тому, что результат работы исправительно-воспитательного заведения зависел в большей мере не от финансовой составляющей (хотя это тоже важный фактор), а от личностных и профессиональных способностей, умений и навыков персонала, понимания им задач исправительного воспитания, правильной организации педагогического процесса. Полученные данные способствуют созданию целостного представления об уровне развития исправительных учреждений российского общества и сибирского социума в частности, ликвидируют территориальные диспропорции в изучаемой теме, расширяют возможности для сравнительных исследований.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, несовершеннолетние правонарушители, исправительное воспитание, земледельческие колонии, ремесленные приюты.